

Народный Комиссариат Лесной Промышленности СССР

884.4 (06)
11-33-2

ИЗВЕСТИЯ

Лесотехнической Академии

№ 1 (39)

м. 36 у. 285
571104

MITTEILUNGEN

DER FORSTTECHNISCHEN AKADEMIE

Издание Лесотехнической Академии
Ленинград 1932 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Док. КАЛИНИН, Б. С.	Классовые корни буржуазного лесоустройства	1
Проф. ШАПИРО, Д. Ф.	Профилировка зубьев для распиловки дуба	2
Проф. ПОПОВ, Д. А.	Измерители лесотранспорта	17
НИКИТИН, Н. И. и АВИДОН, М. А.	К изучению бензилцеллюлозы	26
Проф. НОГИН, К. И.	Сухая перегонка хвойных опилок	31
Проф. ГУМАН, В. В.	Проблема быстрорастущих пород в лесном хозяйстве и промышленности Союза	34
ХРОНИКА		37
БИБЛИОГРАФИЯ		38

INHALT

Doz. KALININ, B.	Klassen-Wurzeln bürgerlichen Forsteinrichtung	1
Prof. SCHAPIRO, I.	Zahn formen zum Sägen von Eichenholz	2
Prof. POPOFF, D.	Masszahlen des Holztransportes	17
NIKITIN, N. und AWEDON, M.	Beiträge zur Kenntnis der Benzilzellulose	23
Prof. NOGIN, K.	Trocken-Destillation der Nadelholzsägespäne	31
Prof. GUMAN, W.	Das Problem der schnellwachsenden Baumarten in der Waldwirtschaft und Holzindustrie der U. S. S. R.	34
CHRONIK		37
BÜCHERSCHAU		38

Доц. КАЛИНИН, Б. С.

Классовые корни буржуазного лесоустройства

(Стенограмма доклада на заседании секции научных работников ЛТА 14 января 1932 г.)

В настоящее время лесоэкономическая и лесоводственная теории у нас переживают момент своей коренной перестройки. Критиковать основные положения, основные установки отдельных носителей этих теорий — это значит критиковать всю систему буржуазной лесоэкономической и лесоводственной науки.

Мы критикуем в лице проф. Орлова и др. всю систему буржуазной лесоэкономической теории, которая проф. Орловым переносится на нашу почву. Вот в этом отношении мне хотелось бы проанализировать историческую и социальную основу той „науки“ которая в течение более столетия создавалась и развивалась сначала в условиях феодализма, затем капитализма, а в настоящее время оно совершенно механически переносится на нашу советскую почву.

Здесь докладчик уже остановился на том, что основной методологией буржуазной лесо-экономической теории является методология вульгарной политической экономии, которая развивалась и выросла на развалинах классической школы. К этому надо добавить, что основной теоретической базой лесо-экономической теории в виде „оценки лесов“ и „лесной статистики“ является не только вульгарная политическая экономия, но и, так называемый, собственный вульгарный элемент классической школы. В этом отношении мы можем проследить два направления в развитии теории „оценки лесов“ и „лесной статистики“.

С одной стороны теория „почвенной ренты“, теория, так называемой, „ожидаемой стоимости“, и всех прочих видов „стоимости“ встречающихся в теории лесного хозяйства, покоятся на методологии вульгарной экономии. С другой стороны, мы видим, что многие буржуазные лесоэкономисты (Мартин, Мель и др.) в своих трудах ссылаются на классиков экономистов А. Смита и Рикардо. Создается видимость, как будто то рациональное зерно, которое содержало в себе это направление политической экономии, переносится и в лесоэкономическую науку. Но в том-то и дело, что в лесоэкономической теории используются лишь ошибочные положения Смита и Рикардо, которые непосредственно смыкаются с вульгарной экономией, — используется лишь „собственный вульгарный элемент“ классической школы.

Если взглянуть на развитие лесоэкономической теории, в виде „оценки лесов“ и „лесной статистики“, то мы увидим, что развитие этих теорий совпадает с возникновением и развитием вульгарной экономии. Это эпоха, когда выступил апологет капитализма Сей, это эпоха, когда капитализм играл еще прогрессивную роль в смысле развития производительных сил, — в эту эпоху родилась знаменитая „триединая формула“ —

„природа, труд и капитал“, исчерпывающую и уничтожающую критику которой дал в свое время Маркс.

Несостоятельность теории „факторов производства“ Сея вытекает из того, что все три источника богатства, которыми располагает, как „производственными факторами“, общество относятся к различным областям и между собою ни малейшего сходства не имеют. Земля (природа) представляет собою материальный фактор производства и существовала задолго до появления человека; это определенный вид общественных отношений, который существует только в капиталистическом обществе, наконец труд человека получает различную социальную организацию в зависимости от исторической формации общества. Поэтому „триединая формула“ представляет собою сопоставление несоизмеримых величин, причем „взаимное отношение между ними приблизительно таково, как например, между нотными знаками пошлыми красной свекловицей и музыкой“ (Маркс).

Если мы возьмем труды основоположников „лесной статистики“ Гундасгагена, Пфейля и др., — то мы увидим, что основным теоретическим фундаментом этих трудов является „триединая формула“ Сея, — „Природа, труд и капитал“. В дальнейшем „эта формула развивается последующими ответвлениями вульгарной экономии, а также и немецкой исторической школой в лице неизвестного Рошера, который, как известно имел отношение также и к лесному хозяйству. Здесь мы можем совершенно определенно установить зависимость между возникновением теории „оценки лесов“ и „лесной статистики“, возникших и развившихся, именно в Германии, и развитием исторической школы, методология которой, по существу, ничем не отличалась от методологии вульгарной экономии в смысле понимания основных категорий политической экономии.

Упомянутая выше „триединая формула“ Сея лежит, также в основе трудов проф. Орлова „Лесоустройство“.

Для того, чтобы понять социальную и теоретическую сущность трудов проф. Орлова и всех буржуазных лесо-экономистов западной Европы, надо два слова сказать об основных „принципах“ вульгарной экономии и ее методологии.

В чем заключается сущность вульгарной политической экономии? Вульгарная политэкономия рассматривает все законы капиталистического способа производства, как естественные законы природы. По существу вульгарная политэкономия и в дальнейшем историческая школа не разрешили принципиальнейшего вопроса политэкономии — вопроса стоимости. Они отмахнулись от разрешения этого вопроса, поскольку основной

48

634.9 (06)
II-33-7

целью этих направлений политической экономии было не научное обоснование экономической теории, не научное познание экономических категорий,—основной целью этого направления являлось оправдание существующего способа производства, оправдание тех видов нетрудовых доходов, которые связаны с капиталистическим способом производства. В вопросе стоимости в вульгарной политической экономии царит невероятнейшая путаница, и, как указывает Маркс, вульгарная экономика не разрешила и не могла разрешить этого кардинального вопроса политической экономии. Научное значение вульгарной экономики представляет собой отрицательную величину.

Маркс дает следующую характеристику теории стоимости Сэя, полностью применимую также и к теориям „оценки лесов“ и „лесной статистики“. Еще удобнее, конечно, не подразумевать под термином „стоимость“ ничего определенного. Тогда можно смотря по обстоятельствам подводить под эту категорию все, что угодно. Так поступает Ж. Б. Сэй. Что такое „стоимость“. Ответ: „То чего стоит данная вещь“. А что такое „цена“. Ответ: „Стоимость данной вещи выраженной в деньгах“. А почему имеет стоимость... труд земли. „Потому что, за него дают известную цену“. Итак, стоимость есть то, чего стоит данная вещь, а земля имеет „стоимость“ потому, что стоимость ее выражается в деньгах. „Это, во всяком случае, очень простой метод разрешить вопрос о причине и происхождении вещей“. Эта цитата показывает все научное ничтожество метода вульгарной политической экономии.

Отличительной чертой вульгарной экономики является ее апологетический характер. Отвергая трудовую теорию стоимости, смешивая стоимость потребительную со стоимостью меновой, отождествляя процесс производства товарных стоимостей с производством продуктов вообще, рассматривая все экономические категории, как движение вещей, не поняв их социальной сущности и исторической обусловленности, вульгарная экономика не делает ничего иного, как переводит на доктринерский язык представления агентов капиталистического способа производства.

Крайне апологетической является и теория распределения вульгарной экономики. Оправдывая нетрудовые доходы, отрицая наличие и возможность капиталистической эксплуатации труда, отрицая возможность классовой борьбы, вульгарная экономика превращает капиталистический способ производства из системы противоречий в систему гармонии, рассматривая законы капитализма, как вечные естественные законы природы.

Поскольку владельцы „факторов производства“ (природа, труд и капитал) получают соответственное вознаграждение, капиталист-процент, который является имманентным свойством капитала, как вещи, земельный собственник—ренту, которая является продуктом земли, а не прибавочной стоимостью, рабочий же в своей зарплате—полный эквивалент своего труда, постольку нет и не может быть никакой классовой борьбы, а существует полное согласие и гармония интересов между всеми указанными владельцами. Такова в нескольких словах сущность вульгарной экономики.

На этом „теоретическом“ фундаменте и построена вся система буржуазной лесо-экономики,—на этом фундаменте покоятся теоретические основы „лесоустройства“ в концепции проф. Орлова.

Если мы возьмем теорию „оценки леса“ и расшифруем, что там понимается под термином „стоимость“ то мы найдем здесь отражение того же ошибочного сме-

шения вульгарной политической экономией потребительной стоимости со стоимостью меновой. Вульгарная экономика, как и теория лесной статистики, смешивает процесс производства продукта вообще с процессом производства товарной стоимости. Поэтому проф. Орловым экономическое значение леса определяется его потребительной ценностью, выраженной в деньгах. Поскольку стоимость потребительная смешивается со стоимостью меновой, поскольку цена отождествляется со стоимостью, постольку проф. Орлов приходит к нелепому выводу, что потребительная стоимость может быть выражена известной суммой денег.

Исходя из этого смешения, проф. Орлов пытается доказать, что трудовая теория стоимости в лесном хозяйстве не применима. В 1 томе „Лесоустройства“ он пишет: „В лесном хозяйстве ценность продукта не изменяется пропорционально количеству затраченного на него труда, так как главное участие в создании продукта приходится на другие факторы производства, но не на труд. Замечается даже обратное, а именно, что доля труда в общей ценности продукта увеличивается по мере уменьшения этой ценности“...

Совершенно понятно, что мы здесь имеем дело со смешением проф. Орловым рыночной цены со стоимостью, так как речь идет не о стоимости, а о рыночной цене на различные сорта древесины. Поэтому здесь проф. Орлов не доказывает ничего иного, как свою полную экономическую безграмотность.

Как и подобает вульгарному экономисту проф. Орлов принимает форму проявления экономических явлений за их содержание, видимость—за конечное объяснение, отрицая точку зрения грубого товарного фетишизма.

В полном соответствии с представлениями вульгарной экономики объяснение прибыли, процента и ренты, он ищет в естественных свойствах самих вещей. „Неосомненно“, говорит проф. Орлов „что этот доход (рента Б.К.) является результатом работы природы представленной данными условиями местопроизрастания“.

Поскольку проф. Орлов отождествляет ренту с процентом на капитал, то и сам лес он рассматривает как некий капитал, который должен, в силу своей естественной природы, приносить этот процент—ренту“. Но так как процентная форма дохода отличается постоянством и равномерностью поступления, то рентой, по проф. Орлову, будет являться только тот „доход“, который характеризуется непрерывностью и постоянством его поступления. Поэтому и сама организация лесного хозяйства должна быть подчинена таким принципам, которые обеспечили бы эту равномерность и постоянство дохода (принцип непрерывности и постоянства пользования, теория т. н. „почвенной“ и „лесной ренты“ и „указательного процента“, оборот рубки частный и общий „план хозяйства“, нормальный лес и т. д.).

Организация лесного хозяйства на основе указанных принципов и является по проф. Орлову сущностью планирования в лесном хозяйстве.

Теоретическое обоснование своего понимания планирования лесного хозяйства проф. Орлов дает в одной из своих статей, в которой он излагает основные положения теории Вагнера.

Проф. Орлов повидимому, считает большой своей заслугой, что его теоретические воззрения и практические выводы совпадают с выводами германского лесо-экономиста Вагнера, виднейшего представителя буржуазной лесо-экономической мысли, являющегося в теории типичным представителем и защитником интересов частного лесовладения.

В своей статье „Современное теоретическое лесоустройство Вагнера“, проф. Орлов говорит: „Изложенные теоретические взгляды Вагнера на лесоустройство и выводы из них относительно практических задач современной организации лесного хозяйства, при всей оригинальности их изложения, по существу указывают те же принципы и пути, которые были намечены нами в 1901 г. в лекции о задачах и целях лесоустройства (Известия Лесного Института в. IX) и получили надлежащее развитие в нашем лесоустройстве“.

В этой статье делается попытка обосновать планирование лесного хозяйства в понимании той экономической концепции, которая имеет место в настоящее время в западно-европейской буржуазной лесоэкономической теории, в частности у Вагнера и которая, как мы видим, полностью разделяется проф. Орловым.

Издавая основную мысль Вагнера, проф. Орлов говорит: „В лесной науке намечаются две области: одна сфера основного знания, другая—отрасль планирующего или конструктивного знания; основное знание, в свою очередь, разделяется на две части: отдел технический, куда входят лесоводство, лесохранение и лесопользование, и отдел экономический, образуемый из лесной таксации и оценки лесов; планирующее, или конструктивное знание складывается из лесной статистики, регулирования пользования и учения о производстве. Синтезом всех лесохозяйственных знаний должно быть лесоустройство, как планирование лесного хозяйства. Практическое же лесоустройство, рассматриваемое как деятельность по составлению конкретных планов лесного хозяйства, должно состоять из следующих частей: 1) основы планирования, 2) самое планирование и 3) исполнение плана хозяйства“.

И несколько ниже: „планирование лесного хозяйства прежде всего должно быть подчинено той ясной хозяйственной цели, которая устанавливается волею хозяина, и должна выражаться принимаемой нормой рентабельности“.

Следовательно, в основе планирования по Вагнеру и Орлову лежит упомянутая мною теория „лесной статистики“.

Вкратце, в чем и какова сущность этой теории „лесной статистики“.

Основываясь на методологии вульгарной экономики, рассматривая все экономические категории вне их социальной обусловленности; теория „лесной статистики“ ставит перед собою задачу, установить такие организационные формы в лесном хозяйстве, при которых достигалось бы равновесие между завязанным в лесу „капиталом“, (к которому относится здесь сам лес и земля) и получаемыми доходами.

В этом выражается определенная идея и определенное стремление частных собственников леса подчинить организационные формы лесного хозяйства тем принципам, которые обеспечили бы главную их цель, а именно—получение ренты.

Следовательно, плановым по проф. Орлову будет только то лесное хозяйство, которое подчинено этим основным статическим законам лесного хозяйства. Отсюда, поскольку вульгарная экономика и, в соответствии с этим, теория „оценки лесов“ и „лесной статистики“, рассматривает ренту как процент на „капитал“, а процент на капитал она рассматривает, как естественное свойство вещи и, поскольку, поступление процента отличается постоянством и равномерностью, отсюда и само хозяйство должно быть организовано таким образом, чтобы для частного собственника являлась бы возмож-

ность обеспечить непрерывное, постоянное поступление рентного дохода.

Понятно, что к непрерывности и постоянству получения рентного дохода лесовладелец стремится только тогда, если это постоянно не противоречит максимуму рентного дохода. Однако подобные случаи являются лишь исключением и имеют место лишь в благоприятных экономических условиях. Обычно же лесовладелец всегда предпочтет постоянству и равномерности поступления рентного дохода — максимум этого дохода. Поэтому и сам принцип постоянства и равномерности пользования в условиях капиталистического лесного хозяйства никогда не выдерживается во всей своей чистоте. Эпоха капиталистического лесного хозяйства является эпохой расхищения леса.

Так называемое „лесоохрнительное законодательство“, представляющее собою, в известном смысле, интересы промышленного капитала, пыталось использовать в своих интересах принцип постоянства пользования, пытаясь ограничить свободу рубки леса. Однако услужливая „наука“ незамедлительно выступила с „финансовой“ теорией лесного хозяйства, (Пресслер, Мартин, Эндрес и др.), допускающей значительное понижение оборотов рубки, что для лесовладельцев дает возможность получения большей массы ренты за счет изъятия древесных запасов, за счет истощения сырьевых лесных ресурсов.

Само собою разумеется, что никакое лесоохрнительное законодательство не могло уберечь леса от хищнической их эксплуатации. Если на первых порах развития капитализма лесовладельцы изыскивали всевозможные пути обхода этого законодательства, то позднее с развитием капиталистических отношений, лес становится все больше и больше объектом приложения промышленного капитала, подвергаясь чрезвычайной хищнической эксплуатации. Поэтому уже Марксом было указано, что ведение лесного хозяйства в соответствии с общественным интересом в условиях капиталистического способа производства является невозможным.

Таким образом, принцип постоянства пользования в условиях капиталистического лесного хозяйства является одним из орудий в борьбе между частным лесовладением и промышленным капиталом, обслуживая на разных этапах развития капитализма интересы тех или иных социальных классов в зависимости от уровня развития производительных сил капиталистического общества.

Я не разделяю точки зрения тов. Пасынкова, который указал, что принцип постоянства пользования является фантазией проф. Орлова. Этот принцип не является фантазией проф. Орлова, но он имеет вполне реальное основание и до известной степени он выражает определенные производственные отношения. Но в то же время он имеет противоречивую природу.

Я должен отметить еще одно обстоятельство, связанное с принципом постоянства и равномерности пользования. Когда говорят о неприменимости этого принципа в условиях советского лесного хозяйства, то очень часто говорят об условной неприменимости этого принципа. Говорят, например, что в условиях нашего севера, где необходима широкая концентрация рубок этот принцип не применим, а в южной лесокультурной зоне он сохраняет все свое значение.

Но такая постановка вопроса по существу своему, является в корне неправильной. Принцип постоянства пользования нельзя рассматривать изолированно от всей системы феодально-капиталистической организации лесного хозяйства. Организация лесного хозяйства на началах „лесоустройства“ по отдельным дачам (отрезам) и

секциям на основе принципа рентабельности, определенные расчеты пользования лесом и доходности на основе общего и частного „плана хозяйства“, регулирование пользования лесом методом оборота рубки и оборота хозяйства, все это неразрывно связывается с представлением о лесах, как о некотором „капитале“, приносящем постоянный и равномерный доход на основе постоянного и равномерного пользования лесом. Что, по существу, представляет из себя общий план хозяйства? Это ряд действий, направленных к выяснению условий, определяющих известную норму рентабельности лесного хозяйства, взятого в определенных границах. „Частный план хозяйства“ представляет собою ряд мероприятий, направленных к осуществлению основной цели лесовладельца получения ренты.

Ту же цель преследует определение расчетов пользования методами оборота рубки.

Могут возразить, что установление оборотов рубки по технической спелости не связано с принципом рентабельности, а потому, применяя техническую спелость при организации лесного хозяйства, можно исходить все же из общих принципов лесоустройства (общий и частный план хозяйства). Но и здесь, при производстве нужных сортиментов для нашей социалистической промышленности, организация лесного хозяйства не может осуществляться на основе „лесоустроительных“ методов, поскольку само содержание понятия „лесное хозяйство“ у нас качественно отличается от понятия капиталистического лесного хозяйства. Если экономика капиталистического лесного хозяйства в основной своей части представлена проблемой ренты, то в наших условиях, экономика социалистического лесного хозяйства имеет иное содержание—процесс производства.

С точки зрения буржуазной лесо-экономики понятие „лесное хозяйство“ ограничивается лишь процессом выращивания древесины, не включая сюда момента рубки леса. Это понимание термина „лесное хозяйство“ вытекает из представлений лесовладельца и его агента—вульгарного экономиста, из представлений рантье о своем хозяйстве, как о производственном процессе, поскольку этот последний связывается у них с получением прибыли. Но, так как они рассматривают лес и почву как производительный капитал, а ренту как процент с этого капитала и так как, далее, категория прибыли для вульгарного экономиста представляется в виде процента, то, вследствие этого, стирается все различие между „деятельностью“ лесовладельца, как получателя ренты, и капиталистом, вкладывающим свой капитал в производство материальных ценностей. Это представление лесовладельца о своем „хозяйстве“ как о производственном процессе основывается, также, на методологии самой вульгарной экономики, поскольку с точки зрения последней и природа принимает участие в создании стоимости, а, следовательно, прибыли. С другой стороны, подобное представление о лесном хозяйстве вытекает из реальных противоречий между частным лесовладением и промышленным капиталом, из противоречий, возникающих в процессе присвоения прибавочной стоимости в форме ренты (лесовладение) и прибыли (капиталист).

Поскольку вложение капитала в производство товарных стоимостей связано для капиталиста с известным риском, получение же ренты, в условиях возрастающих рыночных цен на древесину, дает возможность лесовладельцу получать все увеличивающуюся массу ренты, не подвергаясь никакому риску, постольку в капиталистическом лесном хозяйстве производственный процесс разрывается и мы наблюдаем отделение

процесса лесозаготовки от процесса выращивания леса.

Если мы говорим, что корневая ценность леса представляет собою капитализированную ренту, то для вульгарного экономиста величиной этой ренты определяется величина „древесного“ и „почвенного“ капиталов. Отождествление корневой стоимости леса с производительным капиталом базируется также и на ошибочном положении Рикардо о том, что лес на корню является „обладающим ценностью товаром“. Эта ошибка Рикардо вытекает из натуралистической стороны его метода и приводит его к неразрешимому противоречию с его же теорией стоимости. В „теориях прибавочной ценности“ Маркс показал, что лес, стоящий на корню не только не является „обладающим ценностью товаром“, но, что он не имеет даже потребительной ценности. Поэтому рассматривать „лесное хозяйство“ в понимании этого термина буржуазной лесоэкономикой, как производственный процесс, является грубейшей ошибкой.

Отождествляя „лесное хозяйство“ в указанном выше понимании с процессом производства товаров, теория „лесной статистики“ запутывается в противоречиях и опровергает самое себя. Так как, с точки зрения этой теории, не существует никакой разницы между доходом капиталиста, (прибыль) и лесовладельца (рента) то и сама рента рассматривается как прибыль и распадается на процент и предпринимательский доход. Здесь уже окончательно стирается всякое различие между капиталистом и рантье. Но, в то же время, здесь мы имеем дело с наиболее уязвимым местом теории „лесной статистики“. Поскольку в „финансовой“ теории лесного хозяйства норма роста принимается, обычно, ниже среднего учетного процента, постольку, очевидно, что если бы „норма роста“ должна была бы покрывать также и предпринимательский доход,—мы пришли бы к абсурду—к отрицательному обороту рубки и никакие „капиталы“ не могли бы покрыть этой нормы доходности. Отсюда мы видим всю несостоятельность системы „лесной статистики“, вращающейся в порочном кругу.

Таким образом, из разделения функций промышленного капиталиста и лесовладельца—рантье, вытекает и вся система организации феодально-капиталистического лесного хозяйства, призванная обслуживать интересы частного лесовладения. В условиях капитализма, где каждый клочок леса является объектом приложения капитала и источником получения рентного дохода, в этих условиях каждый отдельный участок леса получает свою законченную организацию, соответствующую целям владельца. Поэтому организация лесного хозяйства по задачам и хозяйственным частям, строго ограниченным,—на основе принципа рентабельности вытекающим из него общим и частным планом хозяйства, вполне соответствует всей системе капиталистического способа производства.

Необходимо отметить, что на современном этапе, этапе монополистического капитализма изменяются и формы организации лесного хозяйства. Однако „лесоустройство“, как метод организации лесного хозяйства в концепции проф. Орлова, представляет собою лишь первый фазис развития организационных форм капиталистического лесного хозяйства, соответствующий более ранним ступеням развития капитализма.

И вот этот метод организации лесного хозяйства проф. Орлов переносит на нашу почву, противопоставляя его нашей плановой хозяйственной системе.

Вот почему нельзя говорить об условной неприменимости принципа постоянства пользования в советском лесном хозяйстве, независимо от того, идет ли

речь о наших северных лесах или о лесокультурной зоне.

Пытаясь внедрить в систему нашего лесного хозяйства основные принципы феодально-капиталистической организации лесного хозяйства, проф. Орлов исходит из признания советской хозяйственной системы, как разновидности системы товарно-капиталистической.

Принципиальное отличие экономики переходного периода от экономики капиталистической не может, по проф. Орлову, служить причиной отличия организационных форм советского лесного хозяйства от капиталистического. По этому методу феодально-капиталистической организации лесного хозяйства механически переносятся и развиваются проф. Орловым в наших условиях, подменяя подлинно социалистическое планирование феодально-капиталистической организации лесного хозяйства.

Определяя содержание 3-го тома своего „Лесоустройства“ „как планирование лесного хозяйства“, проф. Орлов все значение плана в нашем лесном хозяйстве сводит к определенной организации хозяйства организации соответствующей интересам феодально-помещичьего лесовладения. Этим самым ставится знак равенства между советской и феодально-буржуазной системами лесного хозяйства.

Извращая роль и значение плана в переходном периоде, проф. Орлов рассматривает все основные принципы частно-хозяйственной организации лесного хозяйства, принципы исторически-обусловленные, возникающие на известной ступени развития производительных сил и в известной социально-экономической обстановке, как вечные естественные законы, вытекающие из самой биологической природы леса. Отсюда не трудно придти к выводу, что нет и не может быть никакой качественной разницы между советским и капиталистическим лесным хозяйством. Эта мысль красной нитью проходит через все работы проф. Орлова.

Механическое перенесение проф. Орловым принципа непрерывности и постоянства пользования в систему советского лесного хозяйства, принципа, направленного непосредственно против плана, как закон движения нашей системы к социализму, против высоких темпов социалистического строительства, неизбежно привело бы к задержке развития производительных сил, к невозможности достижения развернутых и высоких темпов лесозаготовки и деревообработки, к невозможности социалистической организации труда и явилось бы непреодолимым препятствием для социалистической реконструкции лесного хозяйства и промышленности.

Так как по проф. Орлову, рациональным является лишь то лесное хозяйство, организация которого подчинена указанным принципам, то значит, только капиталистическое лесное хозяйство является действительно рациональным; там же (напр. в советском лесном хозяйстве), где эти принципы являются неприемлемыми, там, следовательно, и само лесное хозяйство не может быть рациональным.

Выше я уже отметил, что содержание буржуазной лесоэкономики, в значительной степени, определяется проблемой ренты. Этой проблеме в основном и посвящен 1 том „Лесоустройства“ проф. Орлова. Однако, как здесь уже было упомянуто в вопросе ренты проф. Орлов стоит на самой низкой ступени научной лестницы.

Я должен еще отметить, то обстоятельство, что вся теория так называемой „почвенной“ и „лесной“ ренты построена на смешении самой ренты с той процентной формой, которую она принимает для покупателей

земли и леса, на смешении, как говорит Маркс, основывающемся на полном непонимании природы ренты.

Если раньше, в эпоху феодализма и ранней стадии капитализма, процент выводился из существования ренты, то затем, когда капитализм стал господствующим способом производства и процент приобрел права гражданства, рента начинает выводиться из процента, так как частная собственность являлась уже противоречием в системе капитализма.

Таким образом, исходя из упомянутых методологических ошибок, вульгарной экономики, строится и вся организационная схема феодально-капиталистического лесного хозяйства, с ее принципом постоянства и равномерности пользования и ее учением об оборотах рубки, основанных на теории указательного процента, „почвенной“ ренты, „лесной“ ренты, хозяйственной и финансовой спелости. Отсюда выводятся организационные формы, частный план хозяйства, общий план хозяйства, связанные с принципом постоянства и равномерности пользования, отсюда же нелепая идея нормального леса, которая занимает довольно почетное место в лесной теоретической литературе.

Реакционная сущность учения проф. Орлова, таким образом, заключается как в его антимарксистской, вульгарно-буржуазной теоретической концепции, так и в вытекающей из нее программе практических мероприятий, направленной непосредственно против плана, против социалистической реконструкции советского лесного хозяйства и промышленности, против социалистического строительства.

Если теория „лесной статистики“ лежащая в основе экономической концепции проф. Орлова, и обслуживающая интересы феодально-помещичьего лесовладения, развивалась и выросла на базе вульгарной экономики, то в последнее время в буржуазной лесной экономике мы встречаемся с попытками подойти к теоретическому обоснованию частно-хозяйственной организации лесного хозяйства, с точки зрения психологического направления политэкономии. Представителем этого направления в лесоэкономической литературе является известный буржуазный экономист Р. Лифман, пытающийся облечь основные положения „лесной статистики“ в новые теоретические одежды. Но, поскольку психологическая школа выражает представления вульгарной экономики, лишь в иной фразеологии, постольку буржуазные основы „лесной статистики“, как известные основания организации лесного хозяйства, отвечающей интересам частного лесовладения, остаются в полной неприкосновенности.

Возникающие в условиях капитализма противоречия между частным лесовладением и промышленным капиталом находят свое выражение и в буржуазной лесоэкономической теории. Интересам частного лесовладения здесь противопоставляется то направление лесной экономики, которое базируется на так называемом социально-политическом направлении политической экономики,—направление выдвигающее в противовес „частно-хозяйственной“ т. н. „народно-хозяйственную“ точку зрения и отражающее, по существу, интересы промышленного и финансового капитала.

Отражение этого направления мы находим в трудах проф. Богословского. В своей критике реакционно-буржуазных установок проф. Орлова,—проф. Богословский исходит не из общих закономерностей и особенностей экономики переходного периода, но черпает свою аргументацию у западно-европейских и американских буржуазных экономистов.